

УДК 1(091)
ББК 87.0

ВОЙНА КАК СРЕДСТВО УТВЕРЖДЕНИЯ ИСТИНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ: ГЕРАКЛИТ

Жилин Владимир Ильич

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных, естественнонаучных и правовых дисциплин,
Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
ZhilinVI@yandex.ru
ул. 10 лет Октября, 195, 644009 г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Война как своеобразное и эффективное средство утверждения истины используется многими политическими силами на протяжении тысячелетий человеческой истории. Одним из первых философов, открыто заявившем о роли войны в установлении справедливости, был Гераклит, с точки зрения которого именно война может и должна привести к торжеству справедливости и истины. При этом Гераклит не милитарист, и его «война» не представляет собой взаимного убийства людей за власть и богатство. «Война» Гераклита – это онтологический «взрыв», возмущение самого бытия. В связи следует признать, что к традиционному в софистике «палочному аргументу» война Гераклита отношения не имеет.

Ключевые слова: Гераклит, война, огонь, диалектика, разум, истина.

Традиционно и чаще всего война рассматривается как средство решения политических, экономических и международных проблем. Говоря в общем, война, какой бы предлог и окраску она не имела, идет в конечном счете за жизненные ресурсы. Однако, даже принимая точку зрения исторического материализма на «истинные» причины войны, мы не можем не признать, что кроме жадности и агрессии, трусости и ксенофобии есть и другие начала в человеке, призванные, по крайней мере на первый взгляд, замаскировать некогда эволюционно приобретенные инстинкты каннибализма (см. в этой связи В.Р. Дольник [4]). Рядом с этими человеческими качествами, влекущими и индивида, и группировки, и целые нации к нарушению чужой границы, всегда есть еще нечто, нечто «моральное», которое, так или иначе, оправдывает агрессию. И это «нечто моральное» есть не что иное, как внутреннее ощущение (иногда даже осознание) собственной правоты.

Н.А. Бердяев, говоря о морально-психологическом оправдании агрессии, отмечает: «Самый распространенный взгляд, которым оправдывается война со стороны какого-нибудь народа, – тот, что правда и справедливость на стороне этого народа. Враждебный же народ представляется целиком пребывающим в неправде и несправедливости» [1, с. 164]. И с этим трудно не согласиться – моральное оправдание агрессии, так сказать ее идеологический компонент, не только сопутствует войне, он ее зачастую опережает. Переход границы оправдывался и оправдывается по ситуации, приемлемому случаю. Идеологемы морального оправдания начала войны широко известны. Нередко для «промывания мозгов» используют следующие морально-психологические установки: наведение порядка, подавление мятежа, обретение свободы, помощь в обретении свободы, любовь к Христу, любовная жажда видеть святые места, освобождение Гроба Господня, экспропри-

ация экспроприаторов, экспорт революции, экспорт демократии, обретение национальной независимости, помощь братскому народу, освобождение угнетенных народов, интернациональная помощь дружественному народу, расширение жизненного пространства нации, восстановление статус-кво нации, исправление ошибок природы, святая месть, охрана своих рубежей на дальних подступах, лучшая защита – это нападение.

При этом требование, внутреннее требование морального оправдания агрессии находится глубоко в нас, в нашем исходно животном материале. Так, например, П.А. Кропоткин в поиске естественнонаучных основ для построения этики обращается к «общительности» наших дальних предков и «общественному инстинкту» Ч. Дарвина, приводит дополнительно убедительные примеры, демонстрирующие нравственное начало в мире животных, и высказывает свою точку зрения на истоки компромисса между законами враждебности и законами дружелюбия в человеческом сообществе: «Мысль о “справедливости”, понимаемая вначале как возмездие, связана, таким образом, с наблюдениями над животными. Но весьма вероятно, что сама мысль о вознаграждении и возмездии за “справедливое” и “несправедливое” отношение возникла у первобытного человека из мысли, что животные мстят человеку, если он не должным образом отнесся к ним. Эта мысль так глубоко внедрена в умах дикарей по всему земному шару, что ее следует рассматривать как одно из основных понятий человечества» [6, с. 65]. То есть, если ты не Бог (или, по крайней мере, не сверхчеловек), ты обязан быть «справедливым» и, соответственно, соблюдать законы, «законы природы», повинуюсь причинно-следственным связям, иначе тебя ждет наказание, вплоть до смертельного. И в этой связи вполне будет уместным почитать истину дороже друга...

Однако, увы, мир (прежде всего мир человеческих иллюзий) живет не по законам формальной логики. Софистика и диалектика умышленно, а иногда и произвольно, манипулируя сознанием, владеют большинством, склонным доверять видимости. И в этом случае уже выходит на поверхность обыденного сознания иное представление о соотношении

истины и дружбы – ворон ворону глаз не выклюет (с учетом того, что рыбак рыбака видит издалека), и, в соответствии с таким изменением в отношениях между дружбой и истиной, трансформируется также представление о соотношении истины и войны – победителей не судят. Победитель всегда выступает в роли судьи, а побежденный – обвиняемого. Характерной для такого мировоззрения является мысль, высказанная болгарским марксистом В. Боевым: «В огне Октябрьской революции и других социалистических революций на практике доказана истинность марксистско-ленинского учения» [2, с. 94]. Победа, в рамках таких представлений, автоматически делает победителя правым, а война, победоносная война, становится чуть ли не единственным средством утверждения истины. Аргумент «к палке» в таком мышлении и мировоззрении обретает «законную» легитимность.

Мысль о войне, как средстве установления справедливости, является увлекательной и для романтиков, и для прагматиков, ведь победитель не просто сильнее или хитрее, победитель еще умнее и нравственнее. Более того, победитель владеет истиной. А если так, то и моральные качества, и ценности победителя абсолютны. Победа автоматически влечет за собой утверждение «моей» истины в качестве единственной. И уже не важно, что победа досталась обманом и вероломством, численным превосходством средств ведения войны, победа воспринимается и трактуется победителем и его «союзниками» как торжество справедливости. Э. Фромм, вскрывая такого рода морально-психологическую «привлекательность» войны, отмечает: «На войне человек снова становится человеком, у него есть шанс отличиться, и его социальный статус гражданина не предоставляет ему привилегий. Короче говоря, война – это некий вариант косвенного протеста против несправедливости, неравенства и скуки, которыми пронизана общественная жизнь в мирные дни» [9, с. 278]. А. Камю приводит другой, уже циничный, вариант этой же мысли о соотношении истины и войны: «Однако, перед тем как развязать войну, фюрер заявил своим генералам, что у победителя не будут спрашивать, лгал ли он или говорил правду» [5, с. 258]. Таковы «народные расценки» на истину.

Одним из первых философов, оформивших гносеологическую роль войны, был Гераклит. Будучи недовольным установившимся народовластием в Эфесе, он полагал, что только распря расставит все по своим местам, установит надлежащий порядок. С его точки зрения именно война может и должна привести к торжеству справедливости и истины: «Раздор <ведь> – отец всем общий, и общий всем царь. И одних богами объявляет он, других – людьми, одних рабами сотворяет он, а других – свободными» [3, с. 187]. Всеобщий Раздор и Правда, с его точки зрения, должны «крепко» любить друг друга, ведь, «все порождено в соответствии с Разноью». Свидетелей лжи и сплетателей, разумеется, Правда настигнет. А осудит всех грядущий огонь: «Все огонь, приидя, рассудит и захватит» [3, с. 203]. Гераклит верит в возмездие за ложь и несправедливость, верит он и в торжество истины, которое оказывается неизбежным посредством войны.

И даже согласившись с М.К. Мамардашвили в том, что Гераклит не милитарист и, говоря о войне, он только «хочет сказать, что лишь внутри полемического состояния, внутри состояния всеобщего полемоса в схватке с бытием, или друг с другом, или в схватке с собой стоят люди» [7, с. 95], следует все же признать, что аргумент «к палке» имел в гносеологии основоположника диалектики фундаментальное значение. Истина в гносеологии Гераклита должна восторжествовать без обращения к агоре. Ведь, будучи ярким противником народовластия, Гераклит, оставаясь верным самому себе, не обращается за поддержкой «к аудитории» в поиске и утверждении истины: «Один, по мне, – тысячи, коли он наилучший, бесчисленные же сии – никто. Ибо одно перед всем предпочтут наилучшие: вечнотечную славу. А множество смертных нажираются словно скоты, брюхом и срамом, постыднейшим в нас, измеривая благополучие» [3, с. 191]. Но этот «один», будучи наилучшим, для торжества истины должен одержать победу над бесчисленными «никто».

Какая может быть полемика с этими «бесчисленными никто»? Какое отношение они имеют к обнаружению и утверждению истины? Ведь, согласно Гераклиту, «собь людская знаний не имеет», а взрослым эфесянам

вообще следует всем перевешаться за допущенную ими тупость и несправедливость. Истина, по наблюдениям Гераклита, скрывается, ее следует настойчиво и долготерпеливо искать. «Природа любит скрываться», – замечает Гераклит. «Ищущий правды не должен отчаиваться. Коли не чаёт он нечаемого, не отыщет ненаходимого и малодоступного» [3, с. 193]. И хотя глаза и уши свидетели истины, но все же лишь свидетели. Более того, глаза и уши могут даже лжесвидетельствовать, и происходит это в том случае, если они «увлажнены», и, тем более, «дурные свидетели для людей – глаза и уши тех, у кого варварские души» [3, с. 194].

Однако складывается впечатление, что война, о которой Гераклит говорит как о средстве избавления ото лжи, это не та война, которая мечом насаждает выгодный кому-либо порядок, углубляя онтологическую несправедливость и тем самым создавая еще большее «напряжение» бытия. Война Гераклита – это огонь, который приходит как возмездие за несправедливость и ложь, разрушает в своем пламени хитросплетения «свидетелей лжи и сплетателей» и в результате устанавливает божественный, законный порядок. «Все огонь, приидя, рассудит и захватит» [3, с. 203] – предупреждает Гераклит своих глупых и несправедливых соотечественников, ведь, «этот огонь разумен» [3, с. 202]. Шанса спрятаться от правосудия огня нет ни у кого, и Гераклит предупреждает об этом: «От никогда не заходящего <огня> разве кто-либо спрячется? Ибо всякая тварь бичом его на пастбище гонима» [3, с. 202].

К.Р. Поппер в своем противостоянии историцизму несколько «притягивает» Гераклита к Ленину, Марксу и Гегелю, полагая, что основоположник диалектики, обращаясь к «огню» за помощью, лишь пугает зарождающиеся демократические силы. Комментируя «закон» войны (=огня), К.Р. Поппер отмечает: «Это неумолимый и безжалостный закон, и этим он напоминает современное понятие закона природы, а также понятие исторических и эволюционных законов, выдвинутое современными историцистами. Однако он отличается от этих понятий тем, что устанавливается разумом, а приводится в действие угрозой наказания, – аналогично тому, как государство навязывает юридические законы» [8,

с. 45]. С точки зрения К.Р. Поппера, Гераклит неспособен отличить правовые законы и нормы от естественных закономерностей, дескать, у него оба рода законов считаются магическими, что является характерной чертой родовой системы табу. Полагаю, что Гераклит все же не пугал своих соплеменников войной, он их предупреждал – наказание за ложь и несправедливость неизбежно. И не человеческий суд расставит все по своим местам – это сделает огонь. Время придет, и огонь все поглотит и установит порядок: *«И воздух нагревается до сполоха, сполох же в море охлаждается и соразмеряется согласно тому же реченью, какой был от огня прежде, чем сполох возник. И море снова воспаряется, превращаясь в огонь»* [3, с. 203].

Гераклит считал, что ему открыт для восприятия иной мир, мир, который недоступен «наглым» и «невежественным» эфесцам. «Собь людская знаний не имеет, а божественная – да» [3, с. 192]. Говоря же о себе, о своем познании, Гераклит отмечает, что «я самостоятельно» искал правду, однако, «не по-человечески, а с помощью Бога». А какую истину могут усмотреть в «намечах» дельфийского оракула те, у кого «варварские души»? И хотя, с точки зрения Гераклита, всем людям присуща способность познавать и здраво мыслить, но не все этой способностью пользуются: «Здраво мыслить – величайшая доблесть и мудрость высказывать истину и действовать согласно природе <ей> внешне. С умом (*ксюн ноой*) говорящие укрепиться должны на всеобщем (*ксюной*) как город на законе, а город (Эфес) – еще крепче. Ибо законы людские все ведь питаются от Единого божьего» [3, с. 196]. Однако, несмотря на то что у людей есть возможность познавать истину, не они ей судьи: «Судья истины – Речение (=разум), причем не какой угодно, а всеобщее и божественное...» [3, с. 194]. И мы сами становимся мыслящими, лишь вобрав в себя это божественное Речение, соединившись с Объемлющим. Разум, Речение, Объемлющее неподвластны человеческим желаниям, неподкупны и неумолимы. Большинство может проголосовать за что угодно, и даже утвердить свое решение в виде государственного (правового) закона, но если этот результат противоречит всеобщему и божественному Разуму, последствием будет война, огонь. Об этом Гераклит предупреждает, а не «берет на испуг», но «постмодернистам» античности, как, впрочем, и всем последующим поколениям постмодернистов, нет до этого дела. Нет ни Бога, ни предустановленных законов! Я сам себе и Бог, и Закон! Я-победитель не только «делает» историю, Я-победитель еще и пишет историю, причем выгодную для себя историю, в которой агрессия Я всегда оправдана, всегда моральна, а война ведется только справедливая. Но это уже не та война, о которой предупреждал Гераклит.

«Война» Гераклита – это не взаимное убийство людей (живущих так, «словно у них личное есть разумение») за власть и богатство. Хотя и взаимное убийство людей при перераспределении жизненных ресурсов вполне может являться орудием возмездия за «неразумность». Однако такая («человеческая») война, хотя и может рассматриваться как «наказание», но, тем не менее, правосудия она, как правило, не вершит. Гераклит говорит об иной войне, «не человеческой». «Война» Гераклита – это онтологический «взрыв», воспламенение самого бытия (ведь «огонь когда-то становится всем», а «все когда-то становится огнем» [3, с. 203]). И в этой связи следует признать, что к традиционному в софистике «палочному аргументу» война Гераклита отношения не имеет.

Однако может сложиться впечатление, что «Речение» в «мире» Гераклита не сразу реагирует огнем (=войной) на человеческую несправедливость, что оно как бы выжидает, дает бестолковым возможность увязнуть в своей тупости и жадности. Но это лишь впечатление. «Речение» не выжидает, и ему вообще нет дела до человеческих недоразумений. В мирострое Гераклита у огня свои обороты, свои циклы. «Мирострой сей, – говорит Гераклит, – тот же самый для всех и всего, ни из богов никто, ни из людей, не сотворил, но присно он был, и есть он, и будет, огонь присноживый мерно вспыхивающий и мерно потухающий» [3, с. 202].

Похоже, что «мирострой» Гераклита антиантропоморфен, и, соответственно, не «привязан» к человеческим желаниям и поступкам, ведь «огнь присноживый», не «оглядываясь» ни на людей, ни на богов, сам

Похоже, что «мирострой» Гераклита антиантропоморфен, и, соответственно, не «привязан» к человеческим желаниям и поступкам, ведь «огнь присноживый», не «оглядываясь» ни на людей, ни на богов, сам

по себе мерно вспыхивает и мерно затухает. Будучи разумным, неумолимым и беспощадным огонь придет неизбежно, всех рассудит и захватит.

В этой связи вполне можно прийти к заключению, что нет уже человеку в таком мире особой нужды быть умным и нравственным, ведь это не спасет его от огня, который с присущей лишь ему периодичностью приходит, а затем угасает, оставляя мир на растерзание тупым и жадным. И, похоже, что именно по поводу этой «несправедливости» возмущается К.Р. Поппер в своей критике историцизма – философско-методологической доктрины, не принимающей во внимание ответственность и активность людей за состояние своего мира: «Пророки, объявляющие, что скоро произойдут определенные события – например, победа тоталитаризма (или, быть может, «менеджеризма»), независимо от их желания могут стать инструментом в руках тех, кто эти события готовит. Утверждение, что демократия не должна сохраняться вечно, столь же мало отражает суть дела, как и утверждение о том, что человеческий разум не должен существовать вечно» [8, с. 33]. Такого рода утверждения, с точки зрения К.Р. Поппера, не только могут лишить мужества борцов с тоталитаризмом, способствуя тем самым бунту против цивилизации, но и освобождают человека от груза ответственности. Разворачивая свою точку зрения, К.Р. Поппер отмечает: «Если вы убеждены, что некоторые события обязательно произойдут, что бы вы ни предпринимали против этого, то вы можете со спокойной совестью отказаться от борьбы с этими событиями. В частности, вы можете отказаться от попыток контролировать то, что большинство людей считает социальным злом, – как, скажем, войну или, упомянем не столь масштабный, но тем не менее важный пример, тиранию мелкого чиновника» [8, с. 34]. И у Гераклита вроде бы есть подтверждение этим оценочным суждениям К.Р. Поппера относительно бессмысленности человеческих поступков, ведь, с его точки зрения, «превращение миростроя соблюдает определенный порядок и совершается в силу необходимости Жребия за определенное время в соответствии с некоторыми циклами в течение всей вечности» [3, с. 204].

И пусть «Речение» равнодушно, как и полагается логосу. Пусть, ниспослав на нас

огонь войны, оно не проявляет заботу о нас, а лишь «фильтрует» накопившийся человеческий материал и расставляет все по своим местам. Но законосообразный огонь войны Гераклита, кроме неумолимости и беспощадности, еще и умный, и после того как он «прокатится» по миру, кто-то станет богом, кто-то свободным человеком, а кому-то суждено стать рабом – все будут расставлены по своим местам, а, значит, все же есть смысл сопротивляться безнравственности и противостоять соблазнам лени, праздности и лжи. Ведь нет в нашем мире раз и навсегда завоеванного, и на вчерашней добродетели, власти или даже богатстве нельзя улечься спать. Умный, неумолимый и беспощадный огонь неизбежен. Однако в этой войне мы можем выстоять, и от нас зависит стать в результате богом, свободным человеком или рабом. Истина восторгается. Так утверждает Гераклит. Верит в это. Но это будет уже не та истина, которая конструируется из утверждений когерентно «цепляющихся» друг за друга для извлечения выгоды, и даже не та, которая соответствует мнению народа, его наиболее громкого большинства. После войны не сгорит и восторгается лишь то из созданного человеком, что соответствует Речению. Истина в огне не горит – таков вердикт Гераклита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 208 с.
2. Боев, В. Детерминизм и революция: К критике современного философского ревизионизма / В. Боев. – М. : Мысль, 1983. – 176 с.
3. Гераклит Эфесский. Все наследие. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 350 с.
4. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы / В. Р. Дольник. – СПб. : ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004. – 352 с.
5. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
6. Кропоткин, П. А. Этика : избр. тр. / П. А. Кропоткин. – М. : Политиздат, 1991. – 496 с.
7. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.

8. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1 : Чары Платона / К. Р. Поппер. – М. : Феникс, 1992. – 448 с.
9. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 621 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Sudba Rossii. Opyt po psikhologii voyny i natsionalnosti* [Destiny of Russia. Experiments on Psychology of War and Nationality]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 208 p.
2. Boev V. *Determinizm i revolyutsiya: K kritike sovremennogo filofsokogo revizionizma* [Determinism and Revolution: To Criticism of the Modern Philosophical Revisionism]. Moscow, Mysl Publ., 1983. 176 p.
3. *Geraklit Efesskiy: Vse nasledie* [Heraclitus of Ephesus: All Heritage]. Moscow, OOO “Ad Marginem Press” Publ., 2012. 350.

4. Dolnik V.R. *Neposlushnoe ditya biosfery* [Disobedient Child of the Biosphere]. Saint Petersburg, CheRo-na-Neve Publ., Petroglif Publ., 2004. 352 p.
5. Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel. Philosophy. Policy. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
6. Kropotkin P.A. *Etika: Izbrannye trudy* [Ethics: Chosen Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 496 p.
7. Mamardashvili M.K. *Leksii po antichnoy filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2012. 320 p.
8. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona* [Open Society and Its Enemies. Vol. 1: Platon’s Charms]. Moscow, Feniks Publ., Kulturnaya initsiativa Publ., 1992. 448 p.
9. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of Human Disruptiveness]. Moscow, AST Publ., AST MOSKVA Publ., KHRANITEL Publ., 2007. 621 p.

WAR AS A MEANS OF TRUTH AND JUSTICE CONSOLIDATION:
HERACLITUS

Zhilin Vladimir Ilyich

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Head of Department of Humanitarian, Natural-Science and Legal Disciplines,
Omsk Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
ZhilinVI@yandex.ru
10 let Oktyabrya St., 195, 644009 Omsk, Russian Federation

Abstract. War as a peculiar and effective means of truth and justice consolidation, is used by many political forces throughout the millennia of human history. The perception of war in such a way is fascinating for both romantics and for pragmatists. After all, the winner is not simply stronger or more cunning, but at the same time, the winner is cleverer and more ethical. Moreover, the winner owns truth. And if so, both moral qualities, and values of the winner are absolute. The victory automatically involves the statement of truth as the only possible. It also is not important any more that the victory is connected with the deception and perfidy, the superiority in warfare means, the victory is perceived and treated by the winner and his allies as a celebration of justice.

One of the first philosophers who recognized the gnoseological role of war was Heraclitus. From his viewpoint the war can and has to lead to the celebration of truth and justice. However, there is an impression that the war, according to Heraclitus, is a means of lie disposal, it is not simply war between people and groups of people who spread swords in order to establish the order favorable to someone, thus deepening injustice and, thereby, creating still bigger “tension” of life. The Heraclitus’s war is the fire which comes as punishment for injustice and lie, destroys the flame of an artful design of “witnesses of lie” and, as a result, establishes a divine, lawful order. Heraclitus was not the militarist and his “war” does not represent mutual murder of people for the power and wealth. Heraclitus’s “war” is ontological “explosion”, ignition of the life. And, in this regard, it is necessary to acknowledge that the Heraclitus’s “war” has no relation to traditional sophistic “argumentum baculinum”.

Key words: Heraclitus, war, fire, dialectics, reason, truth.